

ВОСПОМИНАНІЯ ИВАНА МЕНЬШАГО.

1806 — 1849.

I.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись и не такъ живи, какъ хочется, а такъ живи, какъ Богъ велитъ. Благословясь, пожелалъ я написать свою біографію. Какъ началъ себя помнить, мнѣ было около девяти лѣтъ; жили мы близъ гор. Одоева, въ Стрѣлецкой слободѣ. Родители мои, отецъ Минай Ивановичъ и мать Ѳедосія Ларіоновна Остроуховы, приписаны были къ крестьянамъ Апухтино-Архангельской волости, въ пяти верстахъ отъ гор. Одоева; дѣтей у нихъ было восемь человѣкъ: четыре сына и четыре дочери, всѣ мала мала меньше, и всѣ находились при родителяхъ, людяхъ недостаточныхъ. Впослѣдствіи двѣ сестры мои вышли замужъ: Прасковья, въ этой же слободѣ, за Степана Лукьяновича Буканова, а Акулина, въ гор. Одоевѣ, за купца Семена Тарасова. Другія двѣ сестры Евдокія и Пелагея пошли въ келейницы въ гор. Бѣлевъ. Старшіе братья Иванъ и Лука, по возрастѣ, были отданы въ Одоевѣ хозяевамъ на года, а двое малолѣтнихъ Иванъ (я) и Михаилъ жили при домѣ. Помню, какъ я ходилъ къ мастерицѣ, т. е., къ преображенской діаконицѣ учиться: въ грамотѣ выучился читать по-церковному, началъ писать сперва палки, потомъ буквы,—да учился-то лѣнливо и былъ порядочный шалунъ. Учился я недолго: началъ писать склады, а меня отдали снова къ мяснику Панкрутову въ Одоевѣ стеречь купленную имъ для убоя скотину; а потомъ отдали караулить садъ въ селѣ Апухтинѣ при деревнѣ, содержимый одоевскимъ купцомъ. Вмѣстѣ со

мною сидѣлъ сторожемъ одоевскій мѣщанинъ, который когда-то былъ «намѣстникомъ» города Одоева, но впоследствии обѣднѣлъ. Я караулилъ только днемъ, а онъ — ночью. Просидѣлъ я до осени въ саду; ко мнѣ пріѣхалъ купецъ Малеевъ (по простонародному прозвищу Селедкинъ) и сказалъ: не хочутъ ли я наняться у него жить? я отвѣчалъ, что у меня есть родители, — съ ними поговорю, и купецъ поѣхалъ. Хозяинъ сада поднялъ послѣднія яблоки, я пошелъ съ нимъ домой. Черезъ нѣсколько дней мать моя увидалась съ Селедкинымъ и я былъ отданъ къ нему въ работники на коротенькій срокъ, т. е., на пять лѣтъ, и что называется попалъ въ кабалу. На его готовомъ платьѣ и обуви, но за всѣ пять лѣтъ деньги, по бѣдности, взяты были впередъ, а и денегъ-то всего-на-все двадцать пять рублей или бѣленькая ассигнація: вотъ каковъ былъ вѣкъ! А нынѣ (въ 1873 г.), когда я пишу эти строки, такихъ же лѣтъ мальчишекъ, самъ плачу въ лѣто 12 руб. сер. Замѣчу, впрочемъ, что это было около 1806 г., когда все было дешево: ржаную муку продавали отъ 30 до 35-ти к. ассигнаціями за пудъ; корова стоила полтора и два рубля и такъ далѣе, — и все на ассигнаціи, но деньги были рѣдкость.

Проживши въ городѣ у хозяина съ недѣлю, я поѣхалъ съ нимъ къ мѣсту моего будущаго жилища. Хозяинъ содержалъ въ двѣнадцати верстахъ отъ города Одоева, въ селѣ Денисовѣ, у г. Сафонова постоянный дворъ. Мы отѣхали отъ города верстъ семь. Въ сторонѣ не далеко отъ дороги стоялъ большой орѣшникъ, а этотъ годъ были сильные орѣхи. Хозяинъ послалъ меня нарвать орѣховъ; я побѣжалъ и началъ рвать орѣхи и запѣлъ пѣсню: «Ахъ ты молодость моя, молодость, ты когда прошла, прокатилася» и прочее. Голосъ у меня былъ очень хорошій, хозяинъ тоже человекъ молодой и любитель пѣть пѣсни. Нарвалъ я орѣховъ, прибѣжалъ, сѣлъ въ телѣгу. Мы поѣхали; сначала грызли орѣхи, а потомъ, какъ теперь помню, пѣли разные пѣсни и хозяинъ былъ запѣвалою. Наконецъ пріѣхали на постоянный дворъ; хозяинъ пошелъ въ избу, а я отпрягъ лошадь, поставилъ ее къ яслямъ и пришелъ въ хату, помолился Богу, поклонился работникамъ: ихъ было двое Егоръ и Ѳаддей.

«Вотъ вамъ», сказалъ хозяинъ, «мальчикъ для записыванія долговъ и прочаго». А какой я былъ писака? Бывало запишу въ книгу, такъ ни я самъ, ни хозяинъ разобрать не можетъ, а между

тѣмъ читаю, потому что помнилъ, на комъ и сколько записано. Научился я печь калачи, варить щи, готовить мѣсиво свиньямъ;— это все ничего, но какъ началъ носить воду ушатомъ, что для ребенка было не подъ силу, такъ натерпѣлся всякаго труда. Росту я былъ небольшого, но довольно плотенъ; о пищѣ говорить нечего: всего было вдоволь, какъ говорится, «ѣшь, не хочу».

Въ этой деревнѣ былъ господскій домъ и жилъ тамъ приказчикъ почтенный старикъ, Григорій Даниловичъ. Понадобилось ему написать письмо, да только не своею рукою, онъ и прислалъ за мной садовника. Просить меня написать; я отговариваюсь неумѣньемъ, онъ настаиваетъ. Бумага и чернильница на столѣ: сажусь и написалъ верный и накомъ такъ, что старикъ расхохотался! Писалъ съ бѣлаго, а вышло на-черно, такъ я и пошелъ отъ него.

На другое лѣто пришелъ на постоянный дворъ какой-то господинъ во фракѣ, расположился ночевать, а спать легъ безъ ужина. Мы посмѣялись: «должно быть, какая-нибудь горечь, не хочетъ заплатить». Улеглись спать и за день наморившись, скоро заснули. Утромъ проснулись, господина во фракѣ нѣтъ, а когда хватились сундука съ деньгами, то и сундука не оказалось. Побѣжали искать по двору и сундукъ нашли разломаннымъ, а денегъ нѣтъ. Пустились въ погоню, догнали вора и привели. Стали обыскивать, а у него полны карманы мѣдныхъ денегъ, такъ что если бы онъ не придерживалъ брюки руками, они упали бы на полъ отъ тяжести. При всемъ нашемъ горѣ мы расхохотались; когда же мы у него отобрали эти деньги, онъ закричалъ караулъ, что его ограбили. Мы, по глупости, сробѣли, готовы были ему возратить, да спасибо пришелъ староста, Яковъ Муравьевъ, человѣкъ рѣшительный. Онъ грозно закричалъ: «сковать его, вора, и представить въ земскій судъ»; тутъ г-нъ во фракѣ началъ просить, чтобы его отпустили; мы съ радостію исполнили его просьбу, да и онъ не меньше нашего былъ радъ.

Теперь опишу поступокъ хозяевъ противу меня, не тѣмъ ихъ помянуть. У меня померъ батюшка. Мать просила хозяевъ, чтобы они отпустили меня на похороны. Не знаю, что они говорили моей матери, какія выставляли причины,—помню только, что не отпустили меня за двѣнадцать верстъ. Конечно, я тогда былъ ребенокъ и не чувствовалъ большого огорченія, что не былъ на

похоронахъ отца; но теперь, когда пишу эти строки, несмотря на давность, мнѣ становится очень горько.

По милости Божіей, оттянулъ я пяти-лѣтнюю кабалу, въ буквальный смыслъ слова, и честно возвратился домой; да не долго прожилъ дома. Мать отдала меня въ городъ Бѣлевъ къ купцу Николаю Иванову Уланову на годъ,—не знаю за сколько, но я не прожилъ и лѣта. Старая хозяйка была очень сердита и часто меня поволачивала; я жаловался матери и она меня взяла и отдала тутъ же въ Бѣлевѣ въ лавку къ купцу Михаилу Петровичу Скопину.

Это было осенью 1812 года.

Въ это время прогнали чрезъ городъ много плѣнныхъ Французовъ. Они были разуты и раздѣты, или кто въ чемъ обернутъ: одинъ—въ рагожѣ, другой—въ веретѣ, трудно себѣ представить такое раздѣлающее душу зрѣлище; имъ бросали калачи, хлѣбъ и даже кочерыжки. Они падали другъ на друга; въ городѣ ихъ размѣстили по харчевнямъ. Въ одинъ ночлегъ ихъ много перемерло и всѣхъ схоронили на кладбищѣ, въ одной могилѣ. Случилось мнѣ быть у французскихъ офицеровъ. Я носилъ къ нимъ деревянныя чашки и ложки, они у меня купили и заплатили деньги. Несмотря на малолѣтство, бесѣда съ плѣнными сдѣлала на меня большое впечатлѣніе; думалось мнѣ: пожалуй, какъ попадусь подъ красную шапку, такъ и меня такъ же погонять.

Отжилъ я годъ у почтеннаго Скопина. Старшіе мои братья, Иванъ и Лука, собрались въ армію маркитантами и я къ нимъ примкнулъ. Стали собираться и закупать провизію и разныя разности, а тутъ объявленъ былъ рекрутскій наборъ. Разстроился нашъ маркитантскій походъ. Братья начали отъ меня удаляться, повидимому, изъ желанія взвалить на меня, но паспортовъ у насъ еще не было. Самый старшій братъ Иванъ былъ женатъ и имѣлъ двухъ дѣтей: сталъ предлагать мнѣ, чтобы я его отпустилъ въ армію, а между этою суетою средній братъ Лука улизнулъ отъ насъ съ фальшивымъ билетомъ. Мы остались только съ Иваномъ, да и за него я боялся, чтобы онъ также не улизнулъ отъ меня. Не знаю, по какому-то инстинкту (не скажу, по разуму, ибо его тогда у меня совершенно не было), я слѣдилъ за братомъ. Вскорѣ мы получили отъ матушки изъ Одоева письмо, съ нарочнымъ; пишетъ она, что закована въ кандалы и до тѣхъ

поръ въ нихъ будетъ, покуда не представитъ своихъ дѣтей. У меня сердце закипѣло: думалъ я въ это время, что если бы можно было, я эти желѣзы съ материнскихъ ногъ перегрызъ бы зубами, а братъ Иванъ стоялъ, какъ плетень. Онъ былъ огромнаго роста, вершковъ тринадцати; его, повидимому, ничто не трогало, только трусилъ, да о себѣ одномъ думалъ. Забылъ я сказать, что мать нанимала трехъ наемщиковъ въ рекруты: двое не годились почему-то, а третій былъ годенъ, но не захотѣлъ идти, и тогда уже прислали за нами.

Это было на второй недѣлѣ великаго поста 1813 года.

Зову брата ѣхать въ Одоевъ, а онъ говоритъ «завтра» и долго водилъ меня за носъ и кормилъ завтраками. Вижу, что этимъ завтракамъ не будетъ конца и напомнилъ ему: «за что же будетъ томиться мать въ желѣзахъ? Мы сегодня непременно ѣдемъ домой».

Наняли лошадей, собрались, сѣли и покатили. Во мнѣ не было ни малѣйшаго страха, а братъ сильно трусилъ. Будь съ нами братъ Лука, то Иванъ могъ бы еще надѣяться, что авось Лука попадетъ въ рекруты; но средній братъ бѣжалъ, я былъ молодъ и малъ ростомъ,—и Ивану нельзя было не трусить. И такъ, мы ѣхали домой. Было довольно холодно. Иванъ пилъ водку, а я о ней и понятія не имѣлъ; по просьбѣ брата, заѣхалъ съ нимъ въ кабакъ. Онъ выпилъ большой стаканъ водки, а мнѣ поднесъ, кажется, бальзаму, какъ говорится: «таже водка—вину тетка». Дорогою мнѣ было не хорошо. Добрались мы домой около полуночи, постучали въ кольцо; намъ отперли и мы бросились цѣловать и обнимать матушку. Осмотрѣли хату: вижу на коникѣ сидитъ нашъ сосѣдъ, наряженный караулить матушку. Я сейчасъ взялъ топоръ и косарь, разрубилъ желѣзы и выкинулъ на улицу, а караульщика послалъ извѣстить начальство о нашемъ приѣздѣ. У насъ квартировалъ барабанщикъ. Я попросилъ его пробить въ барабанъ о нашемъ приѣздѣ. Когда барабанщикъ пробилъ въ барабанъ, а караульщикъ пришелъ съ волостнымъ головою и старостою, то помнится, въ намъ набѣжало множество народа и за дѣломъ, и безъ дѣла. Насъ хотѣли заковать, но я брата Ивана оставилъ дома, а меня заковали и повели на другую квартиру. Не помню, долго-ли я сидѣлъ, а между тѣмъ пришло повелѣніе или повужденіе, чтобы въ 1-му апрѣля непременно съ нашей

волости рекрутъ былъ представленъ. Начали собираться въ Тулу. Помню, какъ мои родные рыдали, а больше всѣхъ плакала сестра Пелагея. Слезы начались дня за три до отъѣзда въ Тулу. Сначала я держался, не робѣлъ; но довели и меня до слезъ, такъ что я и самъ сталъ понуждать отдатчика, чтобы поскорѣй уѣхать отъ этихъ горькихъ слезъ. Наконецъ лошади были поданы. Пошло послѣднее цѣлованье, объѣхавъ на разлукѣ. Горька была эта минута! Мать и сестры причитаютъ: «вѣдь ты идешь на двадцать пять лѣтъ», а отдатчикъ кричитъ: «садитесь». Я и всѣ мои родные присѣли по обычаю нашихъ предковъ; встали, помолились Богу, еще разъ попрощались,—я сѣлъ и мы поѣхали.

Теперь, когда я пишу эти строки, спустя шестьдесятъ лѣтъ, уже въ чинѣ капитана и будучи кавалеромъ въ отставкѣ, слезы невольно выступаютъ у меня на глаза. Мы приѣхали въ Крапивну на ночлегъ. Хотя я не любилъ вина, но пословица говорить: «солдаты и съ горя, и съ радости пьютъ», и я съ горя выпилъ одну, другую рюмку, чтобы заглушить непріятныя чувства моей горести; поужинали, легли спать,—а вѣдь только сномъ и можно забыться и укрѣпиться. Переночевавши, отдатчикъ разбудилъ: мы поохмѣлились, закусили и поѣхали въ Тулу. На постояломъ дворѣ ко мнѣ пришла матушка и братъ Иванъ. Мы напились сбитню и выпили водки.

Матушка начала говорить мнѣ: «Инюша (такъ называла она меня), поди за брата въ солдаты; ты холостой, а братъ женатый и двухъ дѣтей имѣетъ!»

При этихъ словахъ братъ бросился ко мнѣ въ ноги, а мать продолжала: «тебѣ Господь пошлетъ счастье;» а братъ лежитъ въ ногахъ, ожидая моего согласія.

— Я не противлюсь вашей просьбѣ, сказалъ я матушкѣ; если вамъ угодно, я иду!

Братъ отъ радости бросился меня цѣловать и принесъ двѣ бутылки какого-то вина; мы распили и легли спать. Время было къ полуночи.

На другой день меня, добраго молодца, повели въ приѣмъ, раздѣли, ввели въ присутствіе, поставили въ станокъ; унтеръ-офицеръ повытянулъ и закричалъ: «три вершка съ половиною!» Какой-то господинъ сказалъ: «не годится», а я въ свою очередь сказалъ, что иду Богу и великому государю служить охотою за

брата. Меня опять начали осматривать и докторъ, какъ цыганъ, словамъ моимъ не повѣрилъ, что я здоровъ, что зубы всѣ цѣлы; самъ полѣзъ въ ротъ... Еще что-то поговорили и сказали: «под-ростеть», еще повертѣли и закричали: «лобъ! лобъ! лобъ!»

Вотъ копія съ подлинной квитанціи, выданная изъ Тульского рекрутскаго присутствія:

Квитанція. 1815 года, ноября 2-го дня, по указу Е. И. В., дана изъ Тульскаго рекрутскаго присутствія, Одоевскаго округа, Архангельско-Апухтинской волости, загородной Стрѣлцкой слободы отдатчику стрѣльцу Максиму Степанову въ томъ, что представилъ онъ, прошлаго 1813 года апрѣля 3-го дня, при своемъ доношеніи, къ рекрутскому приему въ прошлой расположенный, что съ 500 душъ, по 8 человекъ, 84-й наборъ—въ рекруты и по осмотру явился въ указанныя лѣта и мѣру въ службу годной. Почему оной рекрутъ, да и на содержаніе его положенныя по генеральному учрежденію деньги и провіантъ, приняты. И отосланъ оный для опредѣленія въ команду, а именно вышеписанной слободы стрѣлецъ Иванъ Меньшой Минаевъ, восемнадцати лѣтъ; а представленъ оной рекрутъ за нижеписанныя души Одоевской округи, загородной Стрѣлцкой слободы, стрѣльцевъ изъ числа 114-ти за пятьдесятъ двѣ, къ нимъ въ приписку загородной Кузнецкой слободы кузнецовъ семь, деревни Подремановой оставшихъ отъ рекрута изъ числа 35 душъ три, итого за шестьдесятъ двѣ души. Совѣтникъ Поповъ, канцеляристъ Лебедевъ.

Цирюльникъ сталъ просить у отдатчика денегъ, обѣщая что онъ лучше острижетъ; я приказалъ дать цирюльнику денегъ и мнѣ остригли подъ гребенку лобъ и обрили. Погнали насъ, рекрутовъ, къ присягѣ на вѣрность службы царю. Мы присягнули и насъ повели къ баталіонному командиру. Какъ теперь помню, онъ вышелъ на балконъ, очень высоко, едва видно. Мы были выстроены въ одну шеренгу и писарь началъ перекликать; дошла до меня очередь, онъ клпчетъ «Иванъ Меньшой!» Я не откликаюсь; онъ повторилъ, я молчу; наконецъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «ты Иванъ»? я сказалъ: «Иванъ, да не Меньшой, а Остроуховъ», а это вышло потому, что насъ было два брата и два Ивана: одинъ—большой, а другой—меньшой, а какъ отданъ меньшой, то и надо было откликаться Иванъ Меньшой,—такъ я и остался Иванъ Меньшой по гробъ моей жизни. Въ это время офицеръ, въ большихъ эполетахъ, съ балкона закричалъ, что Меньшой не годится, и еще нѣкоторыхъ забраковалъ съ балкона, самъ повернулся и пошелъ, а отдатчики забракованныхъ рекрутовъ пошли къ нему на верхъ, и когда воротились отъ него, то мы всѣ оказались годны. Во все это время братъ мой Иванъ стоялъ подъ воротами, и когда офицеръ съ балкона закричалъ,

что я не гожусь, то братъ мой, испугавшись, подобралъ полы кафтана и былъ таковъ.

Насъ развели по квартирамъ. Ко мнѣ пришла мать и братъ, и мы съ братомъ, я—съ горя, а онъ—съ радости, подписали порядкомъ. Для моего утѣшенія матушка ночевала у меня; но когда я на другой день проснулся, какъ разъ противъ зеркала, и увидѣлъ себя съ бритымъ лбомъ, признаюсь, это меня сильно поразило. Я полежалъ, еще поглядѣлъ, поразмыслилъ, перекрестился и сказалъ: «Господи! да будетъ воля Твоя!» Пришелъ ко мнѣ ефрейторъ, повѣстилъ на переключку. Мы сходили иворотились на квартиру. На третій или на четвертый день матушка и братъ отправились домой; я ихъ проводилъ, они оставили мнѣ денегъ и мы распрощались.

Это было на страстной недѣлѣ 1813 года.

Къ намъ былъ назначенъ отставной офицеръ Рудневъ для препровожденія партіи въ походъ, на Оминой недѣлѣ. Мы собрались человѣка три изъ города Одоева, къ нашему офицеру и стали проситься домой, на Святую недѣлю: «мы, вась, дескать, будемъ благодарить». Онъ насъ выслушалъ милостиво и согласился отпустить, только не помню, съ билетами или безъ нихъ, чуть-ли что не безъ билетовъ. Мы поспѣли какъ разъ въ Великую субботу, сходили къ утрени и къ обѣдни, разговѣлись; матушка и всѣ родные были очень обрадованы моимъ приходомъ; а я уже свылся съ своимъ положеніемъ и, прогостивъ двѣ недѣли, долженъ былъ, по приказу начальства, явиться въ городъ Жиздру. Распростился съ родными и думалъ, можетъ быть на вѣки. Тогда говаривали, что въ солдатчину ворота широки, а назадъ—очень узки; а вышло совершенно напротивъ.

II.

Приѣхали мы въ Жиздру еще наканунѣ назначеннаго срока и я на другой день явился къ партіонному офицеру Рудневу и принесъ ему голову сахару и фунтъ чаю. Онъ все это принялъ очень благосклонно и сказалъ мнѣ спасибо за то, что я прибылъ въ срокъ. Забылъ я сказать, что изъ Одоева я ѣхалъ на Бѣлевъ и заѣхалъ къ сестрѣ, Евдокіи Минаевнѣ, которая наградила меня тремя большими золотыми имперіалами, которые зашила мнѣ подъ мышкою въ жилетѣ. На другой день я съ нею

разстался съ большими слезами. Мои золотые я долго, долго сберегалъ. Затѣмъ мы вышли изъ Жиздры, имѣя маршрутъ на Бобруйскъ. Въ этомъ городѣ я купилъ турецкаго табаку два фунта и трубку, и съ этого дня началъ курить. Особыхъ приключеній въ походѣ со мною не было, кромѣ того, что въ лѣсу мы гонялись за бѣлкою, да потерялъ кошелекъ и немного денегъ. Дошли до Слонима. Въ этомъ городѣ партію нашу раздѣлили на двое: одна половина выбрана въ армію, а другая—пошла до Новогрудка, въ томъ числѣ и я. Намъ послѣ сказали, что мы будто бы поступимъ въ гвардію. По прибытіи въ Новогрудокъ, на другой день насъ выстроили на площадѣ и къ намъ подошелъ полковникъ Павловъ, который числился въ л.-гв. Уланскомъ полку; онъ былъ ремонтеръ и сталъ насъ назначать по всѣмъ гвардейскимъ полкамъ, т. е., въ резервы. Меня онъ назначилъ въ л.-гв. Драгунскій полкъ. Когда онъ кончилъ, тогда онъ вспомнилъ о пѣсенникахъ, тотчасъ же вызвалъ пѣсенниковъ, и я былъ въ томъ числѣ. Онъ насъ всѣхъ зачислилъ въ л.-гв. Уланскій полкъ и мы были отправлены въ резервные эскадроны.

Нашъ Уланскій эскадронъ квартировалъ въ Бѣлостокской области, Бѣльскаго уѣзда. Командиръ эскадрона былъ ротмистръ Романъ Григорьевичъ Глазенапъ 2-й. Насъ распредѣлили по взводамъ,—я поступилъ во второй взводъ. Лошадей было въ каждомъ взводѣ по тридцати и болѣе, а людей не болѣе шести человекъ. Лошади всѣ были Донскія, дивія; старыхъ лошадей по три, а старыхъ солдатъ было два и тѣ хуже рекрутъ, потому что они ходили только по корчмамъ и пьянствовали. Вотъ тутъ-то не разъ пришлось всплакнуть: лошадей много, ихъ велать чистить; надо напоить, задать корму и т. д., а лошади и близко не подпускаютъ и бьютъ насъ поминутно. Можно судить о ихъ дикости, потому что недоузки въ два ремня, сыромятные, съ вольцами, какъ на медвѣдѣ; поводья немного тоньше якорнаго каната и все это лошади у коновязей перерывали; и мы-то, рекруты, должны были ходить за такими звѣрями.

Неволя чего не дѣлаетъ! мало-по-малу начали мы привыкать къ нимъ, а они — къ намъ; къ нашему резерву начали приходить отсталые изъ госпиталей старые солдаты и рекруты и насъ набралось до сорока человекъ во взводѣ,—и все прибывали почти каждый день, такъ что изъ нашего эскадрона сформированъ былъ

еще эскадронъ и назначенъ въ походъ въ Парижу. Командиромъ его былъ назначенъ штабъ-ротмистръ Вындомскій; я тоже присоединился въ походъ, но меня ротмистръ Глазенапъ оставилъ бѣдствовать. Эскадронъ Вындомскаго доходилъ до Парижа, а я заправлялъ при оставшихся лошадяхъ и вещахъ, и по расторопности моей, заправлялъ уже какъ старый солдатъ. Всѣ резервы находились подъ командою генерала отъ кавалеріи Кологривова, который стоялъ въ Бѣльскѣ. Нашъ эскадронъ опять началъ пополняться и въ началѣ 1814 года сформированъ въ полномъ составѣ, но безъ офицеровъ. Нашему эскадрону назначено было въ городъ Вѣльскъ для занятія караула; то-то была потѣха! Будучи самъ по себѣ рекрутъ, я былъ назначенъ на главную гауптвахту за офицера.

Насъ довольно учили и муштровали, но хорошо-ли мы исполняли, этого сказать я не могу; но думаю, едва-ли было хорошо. Собрались и отправились въ Бѣльскъ. На другой день была репетиція, но мы маршировали такъ, что я и теперь безъ смѣха вспомнить не могу. На третій день былъ разводъ съ церемонією, т. е., съ музыкою, которой мы еще до сего времени не знали и не видали; она была отъ Кирасирскаго полка. Кончился разводъ, я вступилъ въ караулъ на главную гауптвахту,—смѣнилъ кирасирскаго офицера. Положимъ, я былъ боекъ и не застѣнчивъ, но все же въ этомъ отношеніи, какъ говорится, неучъ. На гауптвахтѣ содержалось подъ арестомъ шесть человѣкъ кирасиръ; вины ихъ я тогда не зналъ. Они, видя во мнѣ глупаго мальчишку, начали просить, чтобы я ихъ отпустилъ въ ворчму погулять; это было на Святой недѣлѣ. Не зная военныхъ законовъ, снисходя на ихъ убѣдительную просьбу, я рѣшился ихъ отпустить погулять на честное слово. До сихъ поръ содрогаюсь своею глупости. Положимъ, что я послалъ за ними присматривать такого же глупца, какъ и я, но, благодаря Бога и честности арестованныхъ, они возвратились всѣ, конечно, подъ хмѣлькомъ; я очень обрадовался и отлегло отъ сердца. Слава Богу, караулъ мой кончился благополучно; насъ смѣнили опять кирасиры безъ церемоніи и мы возвратились на свои квартиры. Ко мнѣ пристала проклятая лихорадка, а лечилъ меня нашъ коновальцъ однимъ рвотнымъ порошкомъ: измучилъ, а облегченія никакого не было. Мнѣ поручили обучать рекрутъ маршировкѣ и

сабельнымъ приѣмамъ, но, по случаю моего нездоровья, ученіе было плохое; лихорадка была каждый день. Въ послѣднихъ чинахъ мая назначенъ былъ походъ въ С.-Петербургъ; на мѣстѣ было еще сносно, а походъ меня ужасалъ. Эскадронъ выступилъ, а я шелъ при обозѣ до Вильны. Въ этомъ городѣ мы простояли дней шесть; лихорадка, благодаря Бога, меня оставила и я могъ ѣхать на конѣ. Мы выступили изъ Вильны парадомъ и я былъ радъ, что ѣду на конѣ; но восторгъ мой былъ непродолжителенъ: отъѣхавъ отъ Вильны верстъ десять или больше, я опять почувствовалъ лихорадку и долженъ былъ оставить мою лошадь при фронтѣ, а самъ кое-какъ побрелъ до назначенныхъ квартиръ. Иду, иду, да упаду, полежу немного, да опять побреду,— и пришелъ довольно поздно на квартиры и меня тотчасъ отправили опять въ обозъ. И такъ я шелъ при обозѣ до самаго Петербурга.

Мы прибыли въ Стрѣльну 12-го октября 1814 года; а такъ какъ казармъ и конюшенъ было недостаточно, то, по расформированіи нашего резервнаго эскадрона по всему полку, мы пошли въ село Ропшу, въ восемнадцать верстахъ отъ Стрѣльны, и тамъ зимовали по квартирамъ. Я стоялъ на квартирѣ у чухонца и долженъ былъ весь великій постъ ѣсть «дубину майду», по-русски кислое молоко, разведенное водою, и рѣдко, что было лучшаго. 5-го іюня 1815 года назначенъ былъ походъ; тогда Наполеонъ I бѣжалъ съ острова Эльбы; но мы доходили только до города Вильны, простояли около города, по деревнямъ, недѣли три или болѣе и пошли обратно въ Стрѣльну. Съ 1815 по 1821 годъ стояли въ Стрѣльнѣ и по деревнямъ около Ропши. Съ этого года началась маневренная ѣзда. Эскадронный командиръ былъ полковникъ Заборинскій, а полковымъ командиромъ — генералъ-маіоръ Антонъ Степановичъ Чаликовъ. Верховая ѣзда мнѣ хорошо далась и я ее любилъ; впоследствии былъ порядочный ѣздокъ. Полковникъ Заборинскій вышелъ въ армію полковымъ командиромъ; командиръ былъ для насъ прекрасный и разсудительный, а на мѣсто его поступилъ полковникъ Калчевскій: самъ любилъ выпить, а пьяницъ не любилъ, да онъ не много что-то и командовалъ, и скоро вышелъ въ отставку. На мѣсто его поступилъ ротмистръ Кизмеръ, Иванъ Ивановичъ. При этомъ имени у меня перо выпало изъ рукъ. Человѣкъ былъ строгій

безъ мѣры. Старшаго вахмистра у насъ не было, должность его исправлялъ унтеръ-офицеръ Борохъ, котораго Кизмеръ, не то, чтобы не любилъ, а хотѣлъ на его мѣсто перевести своего, изъ лейбъ-эскадрона, младшаго вахмистра Горина въ старшіе вахмистры,—и мы съ ними, т. е., съ Кизмеромъ и съ Горинимъ, съ этого времени начали нести горе, да такое, какого міръ не создавалъ. Три года мы кипѣли, какъ въ аду, если не хуже; безъ палоеъ на учење, ни въ манежъ не выходили и не выѣзжали. Года два было свободнѣе и то потому только, что много было слѣдствій о побѣгахъ солдатъ У насъ, напимѣръ, убѣгло челоѣкъ по тридцати за одну ночь; по этому можно судить, каково было начальство, и потому-то въ послѣдніе два года намъ пооблегчало. Высшее начальство, вѣроятно, обратило вниманіе на Кизмера и запретило ему жестокое обращеніе съ нижними чинами.

Въ 1819 году я произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры, а на другой день назначена была въ открытомъ манежѣ ѣзда унтеръ-офицерамъ. Полковникъ Кизмеръ приказалъ, чрезъ вахмистра Горина, осѣдлатъ мнѣ такую лошадь, которая не годилась бы и солдату, и при этомъ требовалъ невозможнаго отъ меня и, конечно, я дорого, ахъ, очень дорого поплатился за свои галуны...

Въ 1821 году гвардія выходила въ походъ, вѣрнѣе сказать, на прогулку. Мы доходили до гор. Трокъ, Виленской губ., простоявши что-то немного, и воротились въ С.-Петербургъ; я былъ квартиргеромъ туда и обратно; вотъ тутъ-то мнѣ досталось потрудиться....

По прибытіи на мѣсто въ Стрѣльну, въ томъ же 1821 году, я выпросился у моего командира полковника Кизмера въ домо-вой отпускъ на три мѣсяца; насъ собралось, близкихъ другъ отъ друга, челоѣкъ шесть по одной дорогѣ. Мы отправились; ѣхали, гдѣ нанимали, гдѣ надували, но, благодаря Бога, добрались благополучно до Бѣлева. Я заѣхалъ къ сестрѣ, которая не воображала меня видѣть. На другой день мы наняли тройку лошадей и отправились въ Одоевъ къ матери; не доѣзжая до дома, я послалъ сестру пѣшкомъ, а самъ заѣхалъ къ зятю, какъ бы для найма лошадей до Тулы. Онъ меня не узналъ, а я, будто бы не сошелся цѣною, поѣхалъ. Когда я проѣхалъ мимо нашего дома, колокольчикъ прозвенѣлъ, а сестра съ матерью говорятъ: «не Иванушка-ли нашъ ѣдетъ къ намъ?» матушка сказала, «гдѣ этому

быть!» Я заѣхалъ за переулкомъ, слѣзъ съ повозки и подошелъ пѣшкомъ къ калиткѣ. Я былъ молодецъ молодцомъ, одѣвшись въ новенькій гвардейскій мундиръ, съ широкими золотыми галунами, вызолоченными пуговицами съ орлами. Радость была велика!

Старшій братъ Иванъ, дня за три до моего прїѣзда, тоже возвратился съ Кавказа изъ мареитантовъ. У него я засталъ много гостей гуляющихъ; огромный самоваръ кипѣлъ на столѣ, разставлено было разныхъ водокъ и закусокъ. На другой день я пошелъ въ городъ съ братомъ погулять. Насъ на каждомъ шагу знакомые останавливали, разговаривали и качали головами, какой молодецъ! Я мѣсяца два прогостилъ дома и мнѣ было очень хорошо, и поѣхалъ къ сестрѣ въ Бѣлевъ и тамъ сильно заболѣлъ. Я жилъ у сестры и долго не поправлялся; ужасная была слабость, но мало-по-малу стало мнѣ лучше. Поѣхалъ въ Одоевъ проститься съ матушкою и съ родными. Матушка въ это время была очень больна; я сталъ говорить брату, за котораго я пошелъ въ рекруты, чтобы онъ далъ мнѣ денегъ на дорогу и, несмотря на то, что онъ недавно привезъ съ Кавказа денегъ, какъ говорить, болѣе тысячи рублей, онъ далъ мнѣ на дорогу только десять рублей ассигнаціями. Да, горько мнѣ было идти въ рекруты, но въ это время было слышать во сто разъ горьче.... Я заплакалъ и сказалъ: «Да, любезный братъ, такъ-то ходить за васъ въ солдаты!» Матушка дала двадцать пять рублей, сестра и еще изъ родныхъ кой-кто рублей двадцать пять, и я распростился со всѣми, съ матушкою — навѣки.

Когда явился я къ грозному своему командиру полковнику Кизмеру, то онъ сказалъ: «Ты должно быть варениковъ объѣлся?» Это съ его стороны была большая любезность. На другой день принялъ лошадь, она только гонялась на кордѣ, а не ѣздилась; я началъ на ней ѣздить. Много было надъ ней работы; но я чрезъ годъ ѣздилъ на ней на ординарцахъ у дивизіоннаго начальника и получилъ благодарность отъ полковника Кизмера; кажется, чуть-ли ни я—первую. Чѣмъ дальше я ѣздилъ, тѣмъ моя лошадь становилась лучше,—она примѣнялась чуть-ли не къ моимъ мыслямъ. Я бывалъ на ординарцахъ у государя императора Александра Павловича. Кстати скажу, что я былъ хорошій фехтовщикъ. Мы каждый годъ ходили въ Петербургъ на смотръ къ государю Александру Павловичу со всего корпуса фехтовщики,

и дрались въ Михайловскомъ манежѣ; для этого сдѣланы были изъ досокъ полъ и выставлены были №№, гдѣ кому становиться по-парно. Фехтовальный учитель былъ капитанъ Вальвилъ — французъ. Когда мы станемъ на мѣста и государь прикажетъ начинать, Вальвилъ скамандуетъ «ан-гардъ» и мы начинаемъ драться. Государь приказывалъ учителю ставить изъ насъ, по замѣчанію его, лучшихъ особо, въ томъ числѣ и меня. Мы три года ходили для фехтованія и всѣ три года я получалъ по десяти рублей. Вскорѣ послѣ благодарности полковника Кизмера, онъ вышелъ въ армію полковымъ командиромъ, а на мѣсто его поступилъ князь Багратіонъ 2-й.

Для коронаціи Николая Павловича велѣно было изъ каждаго полка сформировать по два полныхъ эскадрона и назначенъ былъ этотъ 1-й дивизіонъ въ Москву; я былъ командированъ во второй эскадронъ къ полковнику Торнау. Въ приказѣ по полку было сказано, чтобы всѣ, откомандированные люди въ полный составъ дивизіона, были на своихъ лошадяхъ, но на дѣлѣ вышло иное. Князь Багратіонъ, бывшій мой эскадронный командиръ, мою лошадь оставилъ, а мнѣ далъ другую, дрянную, а жаловаться было нельзя. Когда мы выступили въ Москву и дошли до гор. Волочка, гдѣ великій князь Михаилъ Павловичъ приказалъ представить отъ каждаго эскадрона по ординарцу унтеръ-офицеру и вѣстовому рядовому при одномъ офицерѣ,—полковникъ Торнау вечеромъ приказалъ осѣдлатъ всѣмъ унтеръ-офицерамъ своихъ лошадей и перепробовать всѣхъ унтеръ-офицеровъ какъ ѣзду, такъ равно какъ являться. Дѣло было не легкое и довольно сложное. Онъ назначилъ меня на ординарца на этой же, можно сказать, влячѣ. Полкъ нашъ назывался своднымъ, потому что къ нимъ присоединялись драгуны — два эскадрона — и велѣно было являться такъ: «Къ вашему императорскому высочеству отъ лейбъ-гвардіи 1-го своднаго легкаго кавалерійскаго полка, отъ эскадрона полковника Торнау, на ординарцы присланъ». Это надобно было произнести безъ остановки и запинки. Съ нами былъ прекрасный офицеръ поручикъ Брянчаниновъ, у него была отличная лошадь, и когда мы явились, великому князю угодно было приказать продѣлать всю манежную ѣзду и самъ онъ нами командовалъ. Михаилъ Павловичъ былъ очень доволенъ нашею ѣздою и приказалъ выдать унтеръ-офицерамъ по десяти рублей, а рядовымъ—по пяти.

(Окончаніе слѣдуетъ).